

Наум

КОРЖАВИН:

«Я В ОБЩЕМ СЕБЯ УСТРАИВАЮ»

Он шел по узенькой дорожке, протоптанной в весеннем снегу. Рабочая палка обстукивала края сугробов и мерзлую землю — он шел по слуху.

Американские очки были перевязаны ниткой и не казались нужными. Он смотрел все время или внутрь себя, или куда-то совсем далеко. Они разговаривали о поэзии — Эмма Коржавин и Даниил Данин, как я бы разговаривал с художником о поверхности бумаги, краске, свойствах холста — секретах и удачах ремесла. Совсем не удручая себя заботой о читателе, откликах, реакции — Они говорили об образе жизни.

В окно грело мартовское солнце. Иногда Эмма даже задремывал, и вдруг снова продолжал от той же мысли и запятой...

Сначала его выслали, потом выгнали. Как Пушкина. Только не выслали, а убили. Выходит, гуманней. Когда читаешь его стихи, особенно теперь, время спустя, поражаешь-

ся ясному пониманию, что происходило и как называлось.

*Гуляли, целовались, жили-были...
А между тем, гнусавя и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.*

*Давил на кнопку, не стесняясь, палец.
И вдруг по нервам прыгала волна...
Звонок урчал... И дети просыпались,
И вскрикивали женщины со сна.*

*А город спал. И наплевать влюбленным
На яркий свет автомобильных фар,
Пока цветут акации и клены,
Роняя аромат на тротуар.*

*Я о себе рассказывать не стану —
У всех поэтов ведь судьба одна...
Меня везде считали хулиганом,
Хоть я за жизнь не выбил ни окна...*

*А южный ветер навевает смелость.
Я шел, бродил и не писал дневник,
А в голове крутилось и вертелось
От множества революционных книг.*

*И я готов был встать за это грудью,
И я поверить не умел никак,
Когда насквозь неискренние люди
Мне говорили речи о врагах...*

*Романтика, растоптанная им,
Знамена запыленные кругом...
И я бродил в акациях, как в дыме,
И мне тогда хотелось быть врагом.*

(1944)

И почти через пятьдесят лет,
в 1993-м:

*Гумиста. И Карабах.
Всюду бой. И всюду страх.
Всюду правит злобный рок —
На совка пошел совок.
Делом заняты совки —
Рвут отчизну на куски,
Разрушая — для чего? —
Стены дома своего.
Пусть! Вожди ведут их в бой —
Каждый движется мечтой
Стать отдельным главсовком
Над оторванным куском.*

*Разгорается борьба.
Расширяется пальба.
И становятся все злей
Люди разных лагерей.
Им друг друга не понять.
И ничем их не унять.
Расхождение глубоко:
Те — совки и те — совки.
В яви — бой. А в душах — сон...
Что различие знамен
Перед равенством в гробах!
Гумиста. И Карабах.*

Когда портрет нарисовался, он оглядел сделанное, подумал и написал на обороте:

«Я очень горжусь этим, потому что оказаться вместе с ним в «я в общем себя устраиваю» большая честь. Его размышления, боль и поэзия как раз в противоположном — что его не устраивает, как Александра Сергеевича. А какую власть это может устраивать?»